

А. А. Гусейнов

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Материальная сфера человеческой жизнедеятельности в современном мире становится все более интегрированной и единой в масштабе человечества. А этико-культурная, духовная сфера остается разделенной, более того: традиционные, прежде всего религиозные и национальные линии размежеваний обостряются. Таково фундаментальное противоречие нашей эпохи.

1. В качестве возможных способов разрешения противоречия между социально-экономическим глобализмом и культурно-цивилизационным партикуляризмом предлагаются два основных конкурирующих сценария.

Первый заключается в том, чтобы политико-экономическую глобализацию дополнить этико-культурной и вестернизировать все человечество. Он исходит из молчаливо подразумеваемой и лишь в редких случаях открыто прокламируемой презумпции, что лидирующая роль Запада в материальной сфере является выражением и следствием преимущества его образа жизни.

Второй сценарий ориентирован на диалог культур. В методологическом плане он подразумевает автономность культур (в смысле их независимости как друг от друга, так и от технико-

экономических аспектов общества), а в аксиологическом плане ориентирован на их равноценность.

Существует много аргументов против первого сценария. Он ведет к однообразию и тем самым — к обеднению совокупного культурного богатства человечества. На него, и это самое важное из возражений, не может быть получено согласие других — не западных — культур, не говоря уже о том, что и на Западе он также наталкивается на сопротивление с позиций демократии и гуманизма. Этот сценарий поэтому может реализоваться только насильственными методами с самыми непредсказуемыми последствиями, вплоть до апокалипсических.

Возражения против одного сценария не могут быть аргументами в пользу второго. Из утверждения об ошибочности установки на культурное доминирование Запада не следует заключение об истинности идеи диалога культур. Последняя сама по себе должна быть обоснована в своей принципиальной возможности и продуктивности. Диалог культур, рассмотренный в том обязывающем значении, которое вытекает из смысла понятий «диалог» и «культура» — отнюдь не

очевидная вещь. Он представляет собой драматически противоречивый процесс, является ответственным вызовом для каждой из культур, вступающей в режим диалога.

2. С одной стороны, диалог культур предполагает особого рода единство между ними. Он не сводится к их взаимной терпимости, контактам, узнаванию, даже если эти отношения не являются вынужденными и вытекают из внутреннего убеждения каждой из них. Диалог предполагает нечто большее: такую соотнесенность и связанность культур между собой, когда они, объединенные общностью конечных жизненных целей, взаимно дополняют друг друга, нуждаются друг в друге, не могут существовать друг без друга. Диалог культур предполагает общность основоположений, которые только и могут задать адекватное пространство такого диалога. Все большие культуры современности, за которыми стоят великие религиозные и философско-этические традиции, которые доказали свою жизненность в ходе многовекового опыта многих народов и которые столкнулись сегодня лицом к лицу, все они, несомненно, обладают такой общностью. Всем им свойствен пафос истины и справедливости. Более того, в своем предельно абстрактном выражении они одинаково понимают истину и справедливость, отождествляя их с золотым правилом нравственности. Так думал, например, Л. Н. Толстой. Такой же позиции придерживался Махатма Ганди, который пришел к выводу, что все религии едины в своих внутренних принципах и различны во внешних проявлениях. В том, что касается перспектив совершенствования человека и общества, все они нацелены на идеал ненасилия, являющийся, по их мнению, подлинным смыслом и действенной конкретизацией золотого правила нравственности.

С другой стороны, диалог культур возникает из их различий. Качественные различия культур не только предпосылка и основание диалога. Они являются также его результатом в том смысле, что диалог не снимает этих различий, а в известном смысле обостряет их. Каждая культура замкнута на саму себя и опирается на некую, всегда так или иначе индивидуализированную культурную основу («национальный эпос», «святое место», «исторические битвы», «легендарные личности» и т. д.). В каждой из них есть своя Илиада, своя Мекка, свой Пушкин, некое начало, которое обладает особенной ценностью только для нее и в этом смысле не переводимо на язык другой культуры. Каждая культура имеет свой символический ряд, свои схемы деятельности, поведенческие образцы, нормы, механизмы самодисциплины и т. д. Кроме того, культуры (в какой бы — этической, религиозной, социально-исторической — определенности мы их ни рассматривали) конституируют себя через противопоставление друг другу, через отношение «мы и они». Одна культура смотрит в другую не для того чтобы считаться с ней, найти себя в ней, а для того чтобы отличить себя от нее, противостоять ей, глубже осознать собственную идентичность. Диалог культур нельзя понимать

как процесс, в ходе которого создается некий новый универсальный синтез. Различия культур, неповторимая самобытность каждой из них являются его пределом и ограничением. К примеру, если человек свободно говорит на нескольких языках, что можно считать свидетельством его принадлежности к разным культурам, то это не придает его речи новое качество по сравнению с теми, кто говорит на каком-то одном из этих языков. Сколько бы языков человек ни знал, он не может пользоваться ими всеми одновременно. Он говорит каждый раз на одном из них, представляя от имени какой-то одной культуры. Культуры не просто партикулярны, единичны. Они единственны. Они не слагаются и не вычитаются. Каждая из них в конечном счете равна самой себе.

Сходство самых общих этико-гуманистических основоположений культур и различие конкретных форм их бытования являются исходным пунктом двух противоположных и равно деструктивных стратегий в вопросе об их отношении друг к другу. Эти стратегии можно обозначить как космополитическую и шовинистическую. Первая игнорирует различия культур, вторая абсолютизирует их. Обе они изначально исключают диалог. В случае космополитической стратегии диалог становится излишним, беспредметным, а в случае шовинистической — невозможным и ненужным. Эти опасные тенденции, однако, в одном отношении полезны: они обозначают края пропасти, уходя от которых только и можно достичь желанной золотой середины. Как справедливо пишут авторы выполненного под эгидой ООН международного интеллектуального проекта «Преодолевая барьеры», — «пространство между анонимным универсализмом и этноцентричным шовинизмом огромно и открыто. Оно стало той областью, на которой может и должен происходить междивизиционный диалог»¹.

3. Мудрость всякого диалога, диалога культур в особенности, состоит в соединении общезначимого (универсального) с самобытным. При этом очень важно точно определить, какая из этих двух составляющих является исходной основой диалога. Здесь вряд ли существуют единые рецепты для всех разновидностей диалога. В конкретном случае диалога культур, на наш взгляд, продуктивным может быть только движение, которое отталкивается от самобытности культур и тем самым проистекает из внутренних источников каждой из них в отдельности. Без взаимоуважительного отношения, основанного на признании изначального равенства культур по ценностному критерию, а следовательно, и суверенности каждой из них в формулировании собственных ценностных критериев и приоритетов, никакого диалога между ними быть не может.

Культуры притязают на то, чтобы быть самими собой, каждая из них считает себя как

¹ Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями: пер. с англ. / под ред. С. П. Капицы. М., 2002. С. 59.

минимум не хуже другой, претендует на качественную полноту и завершенность. Как обнаруживаются эти притязания, каковы те индивиды и конкретные предметные сферы, в которых они проявляются наиболее выпукло, как складывается и какие формы имеет целостность той или иной культуры — все это важные и непростые вопросы, требующие специального изучения. Как бы, однако, на них ни отвечать, они не отрицают самих притязаний культуры. Даже если признать, что в фактическом отношении эти претензии необоснованны, тем не менее сам факт их наличия является существенным моментом межкультурной коммуникации. Диалог культур, конечно, не является спором их притязаний, но он также не может состояться и вообще лишается предметного смысла, если не учитывать эти притязания и не относиться к ним самым серьезным и ответственным образом.

Основные теоретические трудности и практические коллизии, связанные с диалогом культур и вытекающие из того, что каждая из них замкнута на саму себя и имеет исключительные притязания на адекватное понимание самой культуры в ее ценностных основаниях, получают, на наш взгляд, разрешение, если рассматривать (помыслить) его (диалог культур) по аналогии с межличностным диалогом. Эта аналогия, по крайней мере, позволяет преодолеть препятствия на пути продуктивного диалога, связанные: а) с несоизмеримостью (различием «весовых категорий») культур и б) с их притязаниями на исключительность.

а) Культуры существенно различаются между собой по степени внутренней дифференцированности, уровню развития, широте распространения, достижениям общечеловеческого масштаба (влиянию на иные культуры), не говоря уже о других, более частных параметрах. Возникает вопрос: насколько возможны и справедливы отношения между ними, не учитывающие указанные различия? Допустимо ли вообще и, если да, то в каком отношении столь разные культуры приравнивать друг к другу, без чего, разумеется, нельзя говорить о диалоге между ними? Чтобы представить себе серьезность проблемы, достаточно, например, соотнести между собой охватывающие миллиарды людей мировые религии и какие-нибудь локальные языческие культы или великие письменные литературы развитых наций и устный фольклор небольших этносов. Попытки игнорировать эти различия, как если бы культуры реально, по своему фактическому состоянию, были равновелики, оборачиваются снижением критериев, по сути, имеют антикультурный смысл.

Проблема приобретает особую остроту и человеческую напряженность благодаря тому, что, хотя культуры не равны (и очень сильно не равны) между собой, тем не менее все они претендуют на равенство — в тех случаях, конечно, когда они открыто не заявляют о своем превосходстве. Малые культуры, как правило, ни в чем не хотят уступать большим.

Межкультурная ситуация в рассматриваемом аспекте схожа с межличностной ситуацией, ко-

торая также характеризуется тем, что индивиды сильно различаются между собой по материальному и социальному положению, уровню образования, моральным и другим качествам. Тем не менее индивиды приравниваются друг другу с точки зрения их морального достоинства и политических прав, уравниваются в качестве личностей, что и делает возможным диалог между ними. Схожим образом и культуры могут быть приравнены друг другу — приравнены не по факту, а по потенциальным возможностям. Поэтому, если нельзя говорить о равенстве культур, то вполне можно говорить о «презумпции равенства» (С. Бенхабиб). Понятие презумпции равенства применительно к культурам может означать следующее: культуры передовые (продвинутое) и отсталые являются таковыми не в силу того, что первые изначально более совершенны, а вторые ущербны, и еще менее — в силу антропологических различий носителей этих культур. Они таковы только в силу обстоятельств, исторической судьбы. Первые вполне могли бы быть на месте вторых точно так же, как вторые — на месте первых. Следовательно, те культуры, которые по факту являются более отсталыми, заключают в себе потенциал, позволяющий подтянуться до уровня передовых. Имея перед глазами пример последних, и в особенности получая при этом их поддержку и помощь, они, возможно, могут сделать это быстрее и лучше. Тем самым задается диспозиция такого взаимодействия неравных культур, которое вполне может быть диалогическим, с обеих сторон нравственно приемлемым.

б) Каждой культуре свойствен пафос истины. А когда речь идет о больших культурах, заявляющих цивилизованные претензии, то пафос истины приобретает акцентированный, абсолютный характер. Самосознание таких культур становится (не может не становиться) сознанием своей исключительной миссии в мире. Если культуры в своих взаимоотношениях друг с другом будут руководствоваться присущей каждой из них убеждением, что именно она является носителем высшей истины, то эти отношения неизбежно приобретут характер перманентной и жесткой конфронтации. Вся история идейно (в том числе и даже прежде всего религиозно) мотивированных войн является подтверждением этого.

Диалог невозможен между людьми и группами людей в той мере, в какой они во взаимоотношениях друг с другом апеллируют к абсолютным истинам, говорят от имени Бога, правды истории и т. п. Или, выражая эту мысль иначе, для того чтобы открыть дорогу диалогу культур, надо исключить из тематики (повестки дня) диалога присущие каждой из них претензии на абсолютную истину.

Диалог культур может касаться любых вопросов, кроме вопроса об их собственном ценностно-эпистемологическом статусе. Скажем, приверженцы ислама считают, что их религия является единственно истинной. Христиане думают, что таковой является христианство. За каждым из этих убеждений стоит своя само-

достаточная правда — правда веры, которая потому и является верой, что хотя она и пользуется рациональными аргументами, тем не менее, ни в коей мере не ставит себя в зависимость от рациональной критики. И если мусульмане и христиане хотят жить в режиме диалога, то они не могут сделать это иначе, как оставив свои религиозные убеждения при себе, для внутреннего пользования.

Моделью в данном случае, как и при рассмотрении предыдущего вопроса о равенстве культур, является этика межличностных отношений. Когда люди расходятся между собой столь радикально, что добро для одних является злом для других и наоборот, то единственным условием того, чтобы их отношения не приняли форму насильственного конфликта, является взаимный отказ от претензий на исключительность права считаться носителем моральной истины.

4. Чтобы взаимодействия культур развивались в режиме диалога, надо заблокировать пути конфронтации между ними. Здесь можно назвать по крайней мере три взаимосвязанных запрета, которые являются несомненными и имеют безусловный, категорический смысл.

Первым запретом, блокирующим конфронтации культур, должен стать отказ от самой идеи конфронтации на культурной основе. Это означает, что культурные особенности и различия не могут быть оправдывающими основаниями каких бы то ни было насильственных действий.

Далее, исходя из презумпции равенства культур, необходимо вынести за скобки диалога, вообще исключить из публичного дискурса сопоставление и в особенности противопоставление культур по ценностным критериям, наложить запрет на слова, действия, любые иные символически-знаковые проявления, которые могут восприниматься какой-либо культурой как оскорбительные. Включить какую-либо тему в повестку дня диалога — значит проблематизировать ее, подвергнуть сомнению, поставить под вопрос. Поэтому, в известном смысле утрируя, но тем самым обнажая суть проблемы, можно сказать: диалог культур может охватить все темы, кроме мировоззренчески-ценностных оснований самих этих культур.

Наконец, еще один категорический запрет является необходимым условием, дающим зеленый свет диалогу культур, — это отказ от абсолютистских претензий, от того, чтобы заявлять собственную культуру как адекватное или более полное, чем другие культуры, воплощение тех высших истин и целей, на постижение и достижение которых они ориентированы.

Очевидные в своей гуманистической направленности и общепризнанные в своей категоричности запреты создают лишь условия для диалога культур, но они не могут составить основы их взаимопонимания — и не только потому, что они являются запретами, а еще и потому, что они очерчивают только общие рамки межкультурной коммуникации.

Наблюдаемые нами сегодня культурный изоляционизм, зримое нарастание идейно-мотиви-

рованных групповых (родовых, этноплеменных, конфессиональных и др.) конфликтов нельзя считать случайными. Они свидетельствуют, с одной стороны, о том, что глобализация не может быть понята и не может состояться как сугубо внешнее, информационно-технологическое единство, без того, чтобы она не была одновременно внутренним сплочением человечества как единого публичного пространства и этико-культурной общности, а с другой — о том, что для такого социально-политического и духовно-нравственного сплочения в единую общность человеческого объединения, принадлежащих к разным культурам и цивилизациям, явно недостаточно совпадения исходных принципов этих последних и наряду с этим требуется еще единство внешних форм, конкретной символики духовной жизни и общественного поведения. Тем самым вопрос о путях глобализации, о возможностях трансформации информационно-технологических предпосылок единения человечества в его действительное единство существенным образом связан с вопросом о возможности глобального этоса, вырастающего на основе универсального культурного синтеза. Речь идет о том, способно ли человечество в целом выработать единый этос, подобно тому, как раньше его выработали отдельные народы и культуры, сможет ли оно общность основополагающих нравственных принципов дополнить общностью нравов, привычных форм повседневной жизни.

5. Понятие этоса, которое пришло к нам из греческой античности, не имеет широкого хождения в литературе и повседневной речи. Его можно кратко определить как сложившийся в процессе деятельного существования устойчивый нрав человека, а также общий нрав, характер той или иной группы людей, рождающийся в процессе их совместной общественной жизни. Этос обозначает ценностно заданное единство общественных нравов, характеризует человека и общественную группу с точки зрения единства ее ментальных установок, жизненных образцов, общественных привычек, которые проявляются в повседневной культуре. Можно говорить об этосе личности, национальном этосе, аристократическом этосе, буржуазном (мещанском) этосе и т. д. Возникает вопрос, можно ли в таком же смысле говорить о глобальном этосе, который был бы един именно как этос, не только в своих общих принципах, но и по своей символически-знаковой структуре, по конкретным нормам, механизмам функционирования, по стереотипам поведения.

В диалоге культур участвуют не только разные культуры, вступившие в диалог, там сверх того появляется еще одно действующее лицо — процесс самого диалога. Глобализация в сфере экономики, коммуникаций, политики создает такую сеть учреждений и связей, в рамках которой складываются человеческие отношения на сверхнациональной и сверхконфессиональной основе. В этом отношении показателен такой еще плохо изученный, но тем не менее в высшей степени реальный и действенный феномен, который

в литературе иногда маркируется в качестве «глобального города». Он состоит из транснационального капитала и обслуживается по преимуществу рабочими-мигрантами. Глобальные (наднациональные) формы общения складываются вокруг Интернета, разветвленной и стандартизированной в мировом масштабе сферы потребления (супермаркеты, макдональдсы и т. п.), центров досуга, разного рода международных организаций, всемирных форумов, крупных образовательных центров и т. д. Словом, речь идет об особом вполне поддающемся социологической фиксации глобальном мире, в который втянуты уже сотни миллионов людей и которые функционируют поверх национальных, государственных, конфессиональных, этнокультурных и других традиционных разделительных линий. Более того, он оказывается автономным также по отношению к существующей социальной структуре и задает новую основу для дифференции в обществе. Социологи говорят о глобальной элите, состоящей из международных деловых, менеджерских и интеллектуальных кругов; она не укоренена ни в какой национально-государственной среде и не стремится к этому, ее представители, подобно древнегреческому философу, могли бы сказать о себе, что они везде являются иностранцами.

Что же происходит на этих площадках межкультурной коммуникации, в том пространстве, куда силой глобальных процессов в сфере экономики, информации, политики и так далее стягиваются люди разных культур? Здесь действуют какие-то единые нормы поведения, свободные от привычных религиозных, мировоззренческих обоснований, в отрыве от них. И только благодаря такой эмансипации практической морали от метафизики и религии могут существовать современные мультикультурные образования — города, аэродромы, универмаги, крупные фирмы и так далее и тому подобное, даже городские жилища, где в одних подъездах, на одних лестничных площадках живут люди, исповедующие разные религии, принадлежащие к разным культурам, разным народам. Возникает новая культура поведения и общения, которая не привносится в человеческую коммуникацию извне, а возникает в ней самой и не нуждается в ином обосновании, кроме полноты и прочности самой этой коммуникации. Во всех этих внеконфессиональных, внеидеологических, вненациональных коммуникативных ситуациях люди обнаруживают высокую степень взаимоуважительности и нравственной сдержанности, даже более высокую, чем в отношениях между своими по вере, политическим убеждениям, национально-культурной принадлежности. Если присмотреться, как ведут себя люди на аэродромах, в супермаркетах, на других площадках «глобального мира», как они предъявляют себя друг другу, одеваются, здороваются, разговаривают и так далее, то нетрудно увидеть некую этическую (моральную) инфраструктуру, которую можно обозначить как глобальную (общепонятную, универсально значимую) по объему и коммуникативно целесооб-

разную по содержанию. Такого рода инфраструктура, являющаяся прообразом глобального этоса, складывается во всех странах и регионах, активно втянутых в глобальные процессы, а не только на Западе.

6. Глобальный этос — это не мечта или фантазия. Он реально произрастает в современном опыте международных, межкультурных взаимодействий, тогда, когда это взаимодействие приобретает форму диалога.

Существенно важно подчеркнуть, что глобальный этос возникает не вместо национальных форм бытия человека, а поверх них. Это показывает несостоятельность широко распространенного и на сегодняшний день едва ли не основного аргумента против глобализации в области культуры, будто она сравнивает разнообразие ландшафта культурной жизни и приведет к ее обеднению. Разумеется, глобализация в каком-то смысле всегда есть стандартизация, она сопряжена и воплощается в единстве оценок, символики отношений, схематизмов поведения и т. д. Речь в данном случае идет о таком единстве качественного состояния общественных нравов, которое не исключает ни индивидуальных, ни групповых различий. Ведь мы в пределах того или иного национального этоса тоже имеем массу различий. Но тем не менее это все-таки различия в рамках чего-то единого.

Нечто подобное можно предположить и в случае глобального этоса. Это — стандарт. Но в этико-культурном смысле. К примеру, существует русский национальный этос (национальный характер, если говорить в привычных словах). О нем прекрасно писали В. О. Ключевский, Н. О. Лосский и др. Но это же не исключает того, что внутри него, то есть внутри русского этоса, существует еще масса других этосов — сибирского, северного, московского или еще какого-то. Можно взять другой исторический пример. Когда-то люди жили племенами, племя состояло из родов, а род — это была семья или большая семья. Потом племенной быт людей сменился народным, кровнородственный способ организации общественной жизни — территориально-государственным. Но семьи не исчезли из-за того, что человеческий кругозор стал намного шире семейного. У каждого из нас есть семья, своя маленькая вселенная кровных связей, семья играет исключительно важную, даже первостепенную мотивирующую роль в жизни. Семейные ценности и сегодня — базовые ценности. И каждому, разумеется, дорога своя семья; покидая публичное пространство политики или экономическое пространство деловой активности, каждый уходит в свой дом. Многообразие семейных существований вполне сочетается с единством в рамках определенного этоса. Точно так же этническое многообразие не отменяет единства национально-государственной жизни. Глобальный этос допускает и даже предполагает многообразие национальных этосов, подобно тому, как в рамках национального этоса существует множество субэтосов — этнических, религиозных или семейных. Единый

глобальный этос внутри себя допускает огромное культурное многообразие, обладая при этом поведенческой цельностью. Он не исключает культурного плюрализма. Подобно тому, как астрономическое пространство не отменяет пространства географического, так глобальное культурное пространство не отменяет пространства национальных культур.

В тех элементах новых форм межчеловеческого общения, которые универсально (независимо от национальных, религиозных или иных традиционных различий) практикуются в настоящее время в пространстве глобального мира, в лучшем случае можно видеть только зачатки глобального этоса, некий намек на его возможность. И не только потому, что их мало. Для того чтобы они стали глобальным этосом, преобразо-

вались в такое нравственное качество, которое может стать самостоятельной мотивирующей основой общественного поведения, одной коммуникативной целесообразности и внешней заданности мало. Требуется еще и соответствующая духовно организующая основа деятельности. Человеческие нравы всегда помещены в ту или иную смысложизненную перспективу. Невыявленной, непонятно игнорируемой (в том числе и в философских дискуссиях) остается смысложизненная перспектива глобального мира, а следовательно, и глобального этоса как адекватного ему душевного строя и состояния общественных нравов. В данном пункте этическое исследование возможности глобального этоса прямо смыкается с философско-историческим исследованием будущего человечества.